

Василій I.

Преемникъ Дмитрія Донского, старшій сынъ его Василій Дмитріевичъ, по старому обычаю, съ малолѣтняго возраста былъ уже участникомъ въ дѣлахъ отца. Ему было только 12 лѣтъ, когда отецъ послѣ Тохтамышева нашествія послалъ его съ боярами искать милости хана. Ханъ принялъ дары, вернулъ милости московскому князю, но сына его удержалъ заложникомъ, требуя за него выкупъ въ 8 тысячъ рублей. Цѣлыхъ три года пробылъ молодой князь въ Ордѣ, потомъ убѣжалъ оттуда и пробрался домой окольными путями черезъ молдавскія и литовскія земли. Въ Литвѣ его задержалъ было князь литовскій Витовтъ, двоюродный братъ Ягайло, и отпустилъ только тогда, когда Василій далъ обѣщаніе жениться на его дочери Софьѣ.

Онъ пріѣхалъ въ Москву уже шестнадцатилѣтнимъ юношей и черезъ два года принялъ послѣ смерти отца великое княженіе. Нарочно прибывшій ханскій посолъ Шихматъ торжественно посадилъ новаго князя на великомъ княженіи во Владимирѣ. Среди русскихъ князей у него не могло уже быть соперниковъ. Зная слабость ихъ, Василій, вѣрный завѣтамъ своихъ предковъ, тотчасъ же задумалъ сдѣлать новыя примыслы — пріобрѣтенія. Немного времени спустя самъ Василій отправился въ Орду съ богатыми дарами къ тому же хану Тохтамышу, у котораго жилъ заложникомъ, «умздилъ князей царевыхъ», и самого царя и купилъ у него ярлыкъ на русскія земли, на княжество Ниже-

городское, Муромъ и Тарусу. Трудно было нижегородскому князю сопротивляться: собственные бояре его приняли сторону Москвы и выдали его Василию. Не сопротивлялся никто и среди населения нижегородскаго: подъ властью Москвы всё было надежнѣе и покойнѣе. Орда еще разъ помогла московскому князю въ его усиленіи, но не всегда оттуда шла дружба и помощь, иногда снова надвигалась изъ южныхъ степей гроза. Такой грозой было въ княженіи Василя I нашествіе новаго великаго азіатскаго завоевателя Тамерлана.

Нашествіе Тамерлана. Тамерланъ, или Тимуръ, одинъ изъ монгольскихъ князей, сначала просто предводитель разбойничьей шайки, въ короткое время сдѣлался господиномъ почти всей Азіи и соединилъ подъ своею властью всё земли Чингизъ-ханова царства. Опять, какъ во времена Чингизъ-хана, азіатская буря дошла и до русской земли. Ордынскій ханъ Тохтамышъ не былъ покоренъ грозному завоевателю, и Тамерланъ предпринялъ походъ на Золотую Орду. Тохтамышъ бѣжалъ къ сѣверу въ землю камскихъ болгаръ, а слѣдомъ за нимъ на Русь двинулись полчища великаго хана и вторглись въ землю Рязанскую.

Великій князь Василій собралъ во множествѣ ратныхъ людей и сталъ съ ними на берегу Оки у Коломны, на границѣ своей земли, намѣреваясь дать отпоръ врагу.

Въ Москвѣ, по приказу митрополита, люди постились и молились, чтобы въ чистотѣ душевной встрѣтить неизбежный гнѣвъ Божій: рассказы о жестокостяхъ новаго завоевателя, объ участи побѣжденных имъ народовъ приводили людей въ трепетъ. Одна надежда была на милосердіе Божіе. Посовѣтовавшись съ братьями великаго князя, митрополитъ рѣшилъ принести въ Москву изъ города Владимира прославленную икону Божьей Матери, когда-то поставленную тамъ Андреемъ Боголюбскимъ. Владимирцы со слезами и рыданіями разстались со своей святыней, а Москва, весь городъ, все множество народа встрѣтило ее 2 августа далеко за городомъ на Кучковомъ полѣ. Икону помѣстили въ Успенскомъ соборѣ, она съ тѣхъ поръ навсегда осталась въ Москвѣ, стала главной ея святыней и утвердила за

Москвой первенство надъ другими городами русскими. На мѣстѣ встрѣчи иконы построень Срѣтенскій монастырь, а Кучково поле до нашихъ дней носить названіе Срѣтенки.

На этотъ разъ и Москва и русская земля избѣгли бѣды: Тамерланъ, простоявъ двѣ недѣли около Ельца, повернулъ обратно и ушелъ въ Азію, разоривъ Сарай и другія селенія татарскія.

Нашествіе Эдигея. Орда ослабѣла послѣ этого погрома, и великій князь могъ снова пренебрегать ею. Онъ пересталъ платить дань, говоря ханамъ, что княжество его стало бѣдно людьми и не на комъ взять выхода. Тогда Ордочо правилъ за хановъ, какъ нѣкогда Мамай, умный князь Эдигей. Онъ рѣшился напомнить объ Ордѣ и зимой 1408 г. неожиданно появился съ большими войсками подъ Москвой. Великій князь по обычаю ушелъ на сѣверъ войска собирать, а московскіе жители со старымъ героемъ Куликовской битвы княземъ Владимиромъ Андреевичемъ сѣли въ осаду. Снова татары, простоявъ мѣсяць, не могли взять каменнаго города, вошли въ переговоры и обѣщали уйти, если имъ дадутъ три тысячи рублей выкупу. Жители собрали казну, и Эдигей ушелъ, унося награбленное добро и ведя плѣнныхъ тысячами. «Жалостно было видѣть», говоритъ лѣтописецъ, «и достойно многихъ слезъ, какъ одинъ татаринъ велъ по 40 человекъ плѣнныхъ, крѣпко привязанныхъ гуськомъ другъ къ другу». Почти вся область московская была опустошена татарами.

Но Орда все-таки слабѣла и приходила въ упадокъ отъ собственныхъ неурядицъ, и эти нечаянныя нападенія не дѣлали ее страшной. И князья и народъ стали чувствовать, что иго не вѣчно, что скоро ему настанетъ конецъ; въ грамотахъ князей часто встрѣчаются слова: «Если Богъ перемѣнитъ Орду». Не она была теперь страшна. Страшнѣй и опаснѣй былъ новый врагъ Москвы, Литва.

Борьба съ Литвою. Въ то время литовскій князь Ягайло женился на польской королевѣ (Ядвига) и соединилъ подъ своей властью Литву и Польшу. Былъ онъ раньше православный, а теперь принялъ католичество и сталъ тѣснить православныхъ, своихъ подданныхъ русскихъ и литовцевъ,

побуждая принимать латинскую вѣру. Много было недовольныхъ въ подвластныхъ ему литовскихъ и русскихъ земляхъ. Этимъ воспользовался его двоюродный братъ Витовтъ, отнявъ у него литовское княжество и сдѣлался великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ. Отъ этого не стало лучше на Литвѣ, потому что Витовтъ самъ былъ католикъ и дружилъ съ католиками. Не стало лучше и Москвѣ, хотя московскій князь былъ зятемъ Витовта. Витовтъ оказался княземъ сильнымъ и предприимчивымъ и старался увеличить свое княжество присоединеніемъ русскихъ земель. Между Москвою и Литвою оставалось еще княжество Смоленское, и Витовтъ захватилъ его, но не довольствуясь этимъ, сталъ помышлять о подчиненіи себѣ и Новгорода. Этого никакъ не могла допустить Москва. Нѣсколько разъ дѣло доходило до войны между тестемъ и зятемъ, три раза сходились они на полѣ сраженія и всѣ три раза расходились безъ битвы, заключая перемирія: оба были одинаково осторожны и не хотѣли прибѣгать къ невѣрной помощи оружія.

Мирная дѣятельность. Въ такой постоянной осторожности прошли всѣ 36 лѣтъ княженія Василія. Государство мало богатѣло, подвергаясь постояннымъ опустошеніямъ; мало богатѣлъ и украшался городъ Москва: рѣдко-рѣдко теперь строится каменный храмъ, самъ князь великій все еще живетъ въ деревянныхъ палатахъ, которыя приходилось строить заново послѣ каждаго пожара; зато храмы украшались стѣнною живописью, и Москва стала славиться этимъ искусствомъ.

При Василіи жилъ знаменитый мастеръ Андрей Рублевъ, инокъ Андроньева монастыря, иконы котораго стали образцами для будущихъ живописцевъ.

Дворъ великаго князя украсился (впервые) часами. Лѣтописецъ такъ объ этомъ рассказываетъ: «Этотъ часникъ называется часомѣрие; на всякій часъ ударяетъ молоткомъ въ колоколъ, размѣряя и рассчитывая часы ночные и дневные; и не человекъ ударяетъ, но человекovidно, самозвонно и самоподвижно, страннолѣпно сотворено человекскою хитростью. Мастеромъ же былъ нѣкій чернецъ, пришедшій

со Святой горы (Аеонской), родомъ сербъ, именемъ Лазарь; цѣна же имъ была болѣе полтораста рублей».

Послѣдніе годы своей жизни Василій провелъ въ тяжелой думѣ за участь своего княжества и своего единственнаго сына, котораго оставилъ наслѣдникомъ въ великомъ княженіи.